

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МАЙ, 1916 Г.

…творинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ 1916 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . I—XXXII

Иллюстрація: Командующій французской арміей у Вердена генералъ Петэнъ.

I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XVI—XIX. (Продолженіе). **Марка Басанина.** . . . 305

II. Послѣ Санъ-Стефано. IX. (Окончаніе). Записки **графа Н. П. Игнатьева.** 330

III. Подруга по институту. (Изъ записокъ бабушки). **Е. Ильиной-Пожарской.** 347

IV. Изъ записокъ за 47 лѣтъ. VIII—X. (Окончаніе). **Е. К. Андреевскаго.** 366

V. Гаршины. VI—VIII. (Окончаніе). **В. П. Соколова.** 399

Иллюстрація: Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ въ 1884 г.

VI. Курьезное недоразумѣніе. (По поводу легенды о Ѳедорѣ Кузьмичѣ. **А. Витмера.** 427

VII. Фердинандъ Кобургскій. (По болгарскимъ источникамъ). **П. Стоянова.** 432

VIII. Принцъ и нищій. (Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ). **А. А. Измайлова.** 459

IX. Памяти Ивана Платоновича Барсукова. **М. Барсукова.** . . 479

X. М. М. Ковалевскій и московскій университетъ. (Страничка изъ воспоминаній). **Князя Б. А. Щетинина.** 483

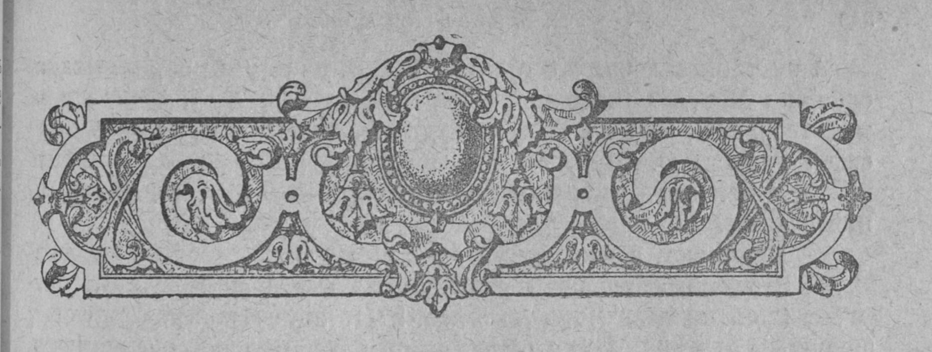
Иллюстрація: Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

XI. Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньи. (Окончаніе). **М. П. Ватаци.** 491

XII. Русскій Давосъ. I—III. **П. Зайкина.** . . . .

Иллюстраціи: 1) Абасъ-Туманъ; центральная часть мѣстечка; в… одной изъ горъ.—2) Нижній Абасъ-Туманъ; рѣка Абастуманка у… 3) Главное ванное зданіе.—4) Водопадъ въ паркѣ.—5) Паркъ… манка.—6) Тополевая аллея въ центральной части Аба… 7) Французскій пансіонъ Решель.

(См…

ПОДРУГА ПО ИНСТИТУТУ.

(Изъ записокъ бабушки).

I.

БОЛЬШЕ шестидесяти лѣтъ прошло съ той минуты, какъ меня, розовую, полную жизни дѣвочку, не покидавшую деревни, подвезли къ громадному зданію со страшнымъ старикомъ въ красной ливреѣ, съ безконечно-высокой и широкой лѣстницей и повели по этой лѣстницѣ наверхъ, а я этой минуты не забыла до сихъ поръ. Робко держалась я за мамино платье, не сознавая ни того, какъ я двигаюсь, ни куда меня ведутъ. Маменька тоже, видимо, волновалась и не имѣла того величественнаго вида, какъ всегда, когда надѣвала это пышное и шумящее платье, что случалось только въ самые торжественные дни. Даже ростомъ она показалась мнѣ ниже, и куда дѣвался ея гордый видъ!

Это, пожалуй, дѣйствовало на меня еще больше, чѣмъ незнакомая обстановка.

«Если маменька такъ присмирѣла,—думала я довольно непочтительно:—значитъ, дѣйствительно здѣсь страшно. Она вѣдь говоритъ, что никого, кромѣ Бога да царя, не боится».

Вообще съ самаго отъѣзда изъ деревни я переживала совсѣмъ новыя ощущенія. Тамъ насъ всѣ знали, мы были всюду первые, и все окружающее невольно поддерживало эту иллюзію.

А тутъ оказалось, что столько людей насъ важнѣе, начиная съ бабушки Мавры Семеновны, о которой всю дорогу и мать, и няня мнѣ твердили, чтобы я какъ-нибудь ей не досадила да не надоѣла своей рѣзвостью.

— У нея самъ митрополитъ бываетъ!—говорила съ благоговѣніемъ няня.

— Маменька, а что это митрополитъ?

— Это самый главный священникъ въ Москвѣ.

— Священникъ? Вотъ такъ разъ! Что же тутъ особеннаго? Это, значитъ, какъ архирей, а вѣдь архирея только нашъ отецъ Матвѣй боится, и то папа надъ нимъ за это смѣется?

— Ничего не понимаешь... ты помни, что въ молодости бабушка была при дворѣ...

— Маменька, что такое значитъ быть при дворѣ?

— Она была фрейлиной...

— Ничего не понимаю. Твою Анну у насъ въ дворнѣ тоже въ насмѣшку фрейлиной зовутъ, а вѣдь она только горничная?

— Ахъ, какая ты глупая, ничего не понимаешь... осрамишь ты меня, деревенщина!

— А откуда же ей не деревенщиной-то, сударыня, быть?—заступается за меня няня.—Не въ первый ли разъ изъ деревни-то выѣзжаетъ?

— Ну, ужъ молчи ты, нянька-баловница. А ты у меня смотри, Катерина, набери въ ротъ воды да помалкивай... а, главное, не забудь бабушку grand'tante называть, не вздумай выпалить попросту: бабушка.

Пріѣхали мы въ Москву довольно поздно, часовъ въ шесть. Домъ бабушки не поразилъ меня величиной послѣ нашихъ деревенскихъ хоромовъ, но поразила меня царившая тамъ тишина и чинность. Лакеи ходили на цыпочкахъ, говорили почти шопотомъ, дворецкій, вызванный слугой при нашемъ появленіи, почтительно приложившійся къ ручкѣ маменьки и моей, совсѣмъ уже шопотомъ поздравилъ насъ съ пріѣздомъ и предложилъ:

— Не угодно ли будетъ вашей милости прослѣдовать въ приготовленные для вашей милости аппартаменты?

— Хорошо, Моисеюшка,—отвѣчала маменька тоже тихо.—Какъ здоровье тетушки?

— Премного благодаримъ, ихъ сіятельство въ вожделѣнномъ здравіи, сегодня у насъ обѣдъ былъ, а теперь онѣ занялись съ гостями карточками въ боскетной.

— Я къ чаю выйду,—проговорила какъ-то нерѣшительно маменька.

— Безпремѣнно пожалуйте. А я пока ихъ сіятельству доложу о радостномъ прибытіи вашемъ, моя государыня.

Торжественный тонъ дворецкаго и его напыщенныя фразы чуть

не заставили меня фыркнуть. Но маменька меня строго одернула, и мы пошли въ сопровожденіи церемоннаго старика по длиннѣйшему коридору въ большую комнату, гдѣ насъ ждала уже няня, которую провели, должно быть, раньше насъ и по другому ходу.

Меня въ тотъ день къ бабушкѣ не водили, и я такъ устала отъ дороги, что, еле выпивъ чаю и позволивъ себя раздѣть, сразу же заснула.

На другой день маменька сама занялась моимъ туалетомъ, и онѣ съ нянюшкой такъ меня одергивали и муштровали, что я не на шутку струхнула и пошла за матерью, какъ приговоренная къ смерти.

Но бабушка послѣ всѣхъ этихъ приготовленій показалась мнѣ совсѣмъ ужъ не такой страшной, несмотря на важный видъ и манеру говорить слегка въ носъ.

Она милостиво поцѣловала маменьку, а мнѣ ткнула прямо въ губы сухую и пахнувшую табакомъ и какими-то крѣпкими духами руку, замѣтила, что у меня здоровый видъ, и спросила, хорошо ли я говорю по-французски?

Я что-то пробормотала, а маменька начала горячо увѣрять тетушку, что она особенно слѣдила за тѣмъ, чтобы мы хорошо знали языки, такъ какъ въ этомъ основа образованія.

Наконецъ аудіенція кончилась, бабушка, еще разъ ткнувъ меня въ губы своей старческой рукой, приказала мнѣ итти играть, но только ничего не трогать и не шумѣть.

Маменька тоже простилась и заявила, что поѣдетъ въ институтъ узнать, когда меня можно будетъ туда свезти.

— И прекрасно,—замѣтила бабушка, точно обрадовавшись:— нечего время терять и ей здѣсь болтаться нечего, пока ты будешь родныхъ объѣзжать. Не забудь, что къ графу ты должна немедленно же ѣхать, нравный старикъ, сейчасъ въ ражъ войдетъ, если узнаетъ, что ты задолила ему почтеніе оказать.

Маменька отвела меня къ нянѣ и, повторивъ нѣсколько разъ, чтобы я сидѣла смирно и тихо, поспѣшно одѣлась и уѣхала.

Мнѣ было очень скучно сидѣть и смотрѣть, какъ няня убирается въ комнатахъ, и я попросилась въ залу, гдѣ, проходя, замѣтила на стѣнахъ много картинъ. Мнѣ это разрѣшили, подъ условіемъ, что я буду сидѣть смирно, чтобы не обезпокоить бабушку.

Никогда, кажется, мнѣ не было такъ скучно, какъ въ это долгое утро. Картины оказались такъ черны, что я ихъ и разсмотрѣть хорошенько не могла, а окна выходили въ садъ, не представлявшій теперь, поздней осенью, никакого интереса. Впрочемъ, на мое счастье, мнѣ не долго пришлось быть одной. Скоро явился, тоже неслышно ступая, лакей и почтительно доложилъ:

— Фрыштикать пожалуйте.

Я вытаращила глаза. Мы въ деревнѣ обѣдали рано и потому не

завтракали, а слова «фрыштикать» я никогда и не слыхивала. Робко двинулась я къ широко передо мной распахнутымъ дверямъ и очутилась въ огромной столовой съ длиннымъ столомъ, накрытымъ на нѣсколько персонъ, но гдѣ мнѣ пришлось завтракать одной, къ моему великому смущенію. Моисеичъ, стоявшій у буфета, торжественно мнѣ заявилъ:

— Княгиня къ столу не пожалуютъ, приказали вамъ кушать, ихъ не дожидая.

Но онъ же меня и выручилъ. Увидя мое смущеніе и полную безпомощность передъ блюдами, которыя подносилъ мнѣ лакей, онъ улыбнулся и велѣлъ позвать мою няню, которая, безъ дальнихъ разговоровъ, забрала мнѣ на тарелку, что нашла нужнымъ, и унесла все это въ нашу комнату, гдѣ у меня сразу вернулся аппетитъ.

Вообще я не могла не замѣтить, что няня чувствовала себя здѣсь гораздо свободнѣе, чѣмъ маменька и я. Она какъ будто не замѣчала ничего особеннаго и держала себя такъ же просто, какъ у насъ въ Вахрамѣевкѣ.

Когда я ей это замѣтила, жалуясь на скуку въ княжескомъ домѣ, она засмѣялась и проговорила:

— А мнѣ что? Пусть они тѣшатся, что у нихъ все по придворному, а люди-то вѣдь все тѣ же, нашей же вотчины, только что попали къ княгинѣ, какъ она съ братцами дѣлилась.

Маменька пріѣхала довольно поздно и немного взволнованная. Она сказала нянѣ, что надо завтра же везти меня въ институтъ, такъ чтобы все было готово.

Быть можетъ, если бы въ институтъ мнѣ пришлось ѣхать изъ дома, я бы больше огорчилась, но здѣсь было такъ скучно и неуютно, что я рада была всякой перемѣнѣ. Только слезы няни меня смущали и огорчали, но маменька на нее строго прикрикнула, и она, только изрѣдка сморкаясь и всхлипывая, начала меня увѣрять, что въ институтѣ мнѣ будетъ такъ весело, какъ нигдѣ.

Въ институтъ меня маменька свезла на другой же день къ вечеру. Я уже говорила, какое удручающее впечатлѣніе произвелъ на меня видъ института, а знакомство съ начальницей не уменьшило этого непріятнаго впечатлѣнія. Меня главное поражала перемѣна въ матери. Она, мнѣ казалось, даже ростомъ стала ниже передъ этой величественной старухой въ синемъ платьѣ и черныхъ кружевахъ, надменно поглядывавшей въ лорнетъ и цѣдившей слова, точно нехотя.

— Прекрасно. Надѣюсь, ваша малютка у насъ скучать не будетъ. Заботами нашей матери-императрицы, дѣти у насъ обставлены такъ, что имъ дома не можетъ быть лучше. Надѣюсь, моя милая, что ты своимъ поведеніемъ будешь насъ и родителей своихъ радовать?—обратилась она ко мнѣ, милостиво сунувъ мнѣ руку для поцѣлуя.

Весь разговоръ, конечно, велся на французскомъ языкѣ.

Мать обратилась къ начальницѣ съ просьбой навѣщать меня, пока она въ Москвѣ, не только по пріемнымъ днямъ. Начальница сперва поморщилась, но, когда маменька ввернула, что ея обнадежили въ этомъ тетушка княгиня Горицына и grand oncle графъ Мандль, она стала милостивѣе и даже еще разъ погладила меня по головѣ, спросивъ какъ-будто мимоходомъ:

— Графъ будетъ навѣщать вашу дѣвочку и въ институтѣ?

— Вѣроятно,—поспѣшила прибавить маменька, хотя, видимо, эта мысль раньше не приходила ей въ голову.

Меня провели въ какую-то неуютную комнату со шкапами, а маменька осталась въ коридорѣ разговаривать съ худощавой дѣвицей, оказавшейся, какъ я узнала потомъ, моей классной дамой.

Проворная дѣвушка въ полосатомъ платьѣ быстро начала меня переодѣвать, что не доставило мнѣ удовольствія, такъ какъ въ комнатѣ было порядочно холодно. Бѣлье, которое мнѣ надѣли, было не толще домашняго, но корсетъ, показавшійся мнѣ громоздкой и тяжелой машиной, въ которой невозможно дышать, и грубое платье изъ какой-то твердой и колючей матеріи показались мнѣ ужасны. Потомъ я узнала, что это былъ камлотъ, и до сихъ поръ не понимаю, за что насъ водили въ немъ, хотя ни красоты, ни прочности особой въ немъ не было.

Всего дольше я не могла привыкнуть къ этому костюму съ короткими рукавами и открытой шеей, въ которомъ было и тѣсно, и холодно, и неуютно.

Въ коридорѣ маменька не могла удержаться отъ восклицанія:

— Боже! Какъ тебя изуродовали!

На что классная дама, не безъ язвительности, замѣтила:

— Что дѣлать, сударыня, мы всѣ одѣты по формѣ.

Не буду описывать подробно исторію нашей институтской жизни, это можетъ показаться скучно, мнѣ хочется только передать исторію одной своей подруги, съ которой мы прожили восемь лѣтъ въ институтѣ, а затѣмъ всего два раза встрѣтились въ жизни. Эти встрѣчи и составятъ предметъ моего разсказа.

Описывать институтскую жизнь было много охотниковъ и до меня. Потому еще не хотѣла бы повторять стараго, что, если судить по разсказамъ нынѣшнихъ институтокъ, порядки этихъ привилегированныхъ заведеній мало измѣнились. Конечно, коренное различіе заключается въ томъ, что дѣтей не отрываютъ на долгіе годы отъ семьи, и не заставляютъ проводить по девяти, десяти лѣтъ безвыходно въ этихъ каменныхъ стѣнахъ, безъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Но суть, казенщина, чисто-формальное отношеніе къ дѣлу, показная дисциплина и сухое безсердечіе остались все тѣ же. И теперь на дѣтей смотрятъ, какъ на безформенную массу, которую можно ломать и передѣлывать по казенному

образцу, нисколько не считаясь съ индивидуальными свойствами и не вникая въ душу дѣтей.

Моя печальная исторія всецѣло разбиваетъ увѣренія защитниковъ институтовъ, что они въ то время будто бы смягчали нравы и прививали гуманитарныя чувства. Нечего этого не было, да и не могло быть, такъ какъ все вниманіе обращалось только на внѣшность и исчезало безъ слѣда при первомъ же столкновеніи съ жизнью.

II.

Съ самаго своего появленія въ институтѣ княжна Анна Кролль— такъ звали мою подругу, которой посвященъ настоящій очеркъ— произвела на своихъ сотоварокъ особое впечатлѣніе. Были, конечно, дѣвочки и красивѣе, и богаче, и умнѣе, но въ ней къ красотѣ и богатству и уму примѣшивалась особая сила, поставившая ее на особое положеніе и давшая ей особую власть въ классѣ. Стоило Аннѣ заявить какое-нибудь желаніе, ея «обожательницы» готовы были какой угодно цѣной его исполнить. Когда она на кого-нибудь гнѣвалась, несчастная жертва ея гнѣва не только ни въ комъ не находила сочувствія, но ее еще упрекали за то, что она огорчила «душку-княжну». Начальство благоволило къ ней за ея красоту, манеры и прекрасное знаніе языковъ. Анну всегда выставляли впередъ, когда надо было товаръ лицомъ показать, въ случаѣ какого-нибудь высокаго посѣщенія или торжества въ институтѣ. И это казалось вполнѣ естественнымъ и никого не поражало. Училась Анна такъ себѣ, но отличалась въ пѣніи, музыкѣ и танцахъ, которые цѣнились въ институтѣ куда выше всякихъ наукъ.

Припоминая прошлое, мнѣ теперь кажется, что это поклоненіе Аннѣ было отчасти модой, что она умѣла намъ импонировать и удержать за собой власть благодаря своей самоувѣренности и искреннему убѣжденію, что она неизмѣримо выше другихъ и по личнымъ качествамъ, и по знатности своего рода, которому она придавала громадное значеніе. Она и подругъ избирала только изъ знати и меня, напримѣръ, дарила милостивымъ вниманіемъ только потому, что мать у меня была урожденная княжна и у меня въ родствѣ были фрейлины и придворные.

Надо замѣтить, что хотя мы всѣ росли съ крѣпостными, не видали большой снисходительности дома къ прислугѣ, но, можетъ быть, именно въ противовѣсъ старшимъ, относились къ дворовымъ хорошо. У всѣхъ почти были любимыя няни, старыя кормилки, подруги по играмъ, и мы часто, особенно первые годы, вспоминали о нихъ съ любовью и нѣжностью. Анна искренно изумлялась нашему отношенію къ «этимъ существамъ», какъ она всегда выражалась.

Прислуга въ институтѣ набиралась изъ кадръ питомцевъ воспи-

тательнаго дома, у которыхъ не было связей и привязанностей къ семьѣ и никого не было близкаго во всемъ мірѣ. Точно нарочно насъ окружали такими оторванными отъ почвы людьми, чтобы порвать съ воспоминаніями о семьѣ. Но дѣтское сердце все-таки искало привязанностей, и потому и въ средѣ «полосатокъ», какъ ихъ прозывали за полосатыя платья, у насъ были свои любимицы.

Анна не признавала такихъ нѣжностей къ прислугѣ, она какъ-то и за людей ихъ не считала и проявляла къ нимъ и требовательность, и капризы, хотя строгая показная дисциплина института не допускала грубости относительно низшихъ. Но, благодаря бездушію мертвыхъ казенныхъ правилъ, намъ это вмѣнялось въ обязанность не по чувству уваженія къ личности, а потому, что грубость унижала наше достоинство благовоспитанныхъ барышень.

При этихъ условіяхъ, какого же смягченія нравовъ можно было ждать отъ института, когда сердца никто въ насъ не развивалъ, а прививали только извѣстнаго рода сентиментальность, въ чемъ особенно преуспѣвали наши ближайшія воспитательницы, классныя дамы, въ большинствѣ случаевъ изсохшія, старыя дѣвы.

Всякое проявленіе тоски и любви къ родному дому принималось нашимъ начальствомъ за доказательство неблагодарности и каралось, какъ оное. Даже въ письмахъ, строго просматривавшихся классными дамами, не позволялось высказывать такихъ чувствъ. Какъ только въ письмѣ выражалось какое-нибудь сожалѣніе или печаль, такое письмо немедленно конфисковалось, и дѣвочка получала вмѣстѣ съ строгимъ выговоромъ приказаніе написать «приличное» письмо.

Лично мое положеніе въ институтѣ было еще изъ лучшихъ. То мать, то отецъ раза два въ годъ навѣщали меня. Я не говорю о визитахъ разныхъ важныхъ тетушекъ и дядюшекъ, которые привозили конфеты, милостиво трепали рукой, затянутой въ перчатку, по щекѣ и, обмѣнявшись съ начальствомъ любезностями, исчезали послѣ мудраго наставленія хорошо учиться, а главное хорошо вести себя, чтобы оправдать ихъ ко мнѣ довѣріе.

Эти посѣтители не много радости приносили съ собой, но меня посѣщала еще подруга моей матери, добрая и умная женщина, жившая съ сыновьями въ столицѣ, гдѣ они оканчивали свое воспитаніе. Она не забыла, какъ ей самой тяжело и неуютно было въ институтѣ, и старалась хотя немного отогрѣть мое сердечко. Она сразу успѣла завоевать мое довѣріе и вызвать на откровенность. Впослѣдствіи, когда я подросла, она стала приходить съ сыновьями и первый шагъ къ моему развитію былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ этой семьи.

Въ обществѣ, опередившемъ, конечно, архаическіе порядки институтовъ, немало анекдотовъ и насмѣшекъ обрушивалось на

бѣдныхъ институтокъ, выходившихъ изъ заведенія дѣйствительно непозволительно довѣрчивыми и наивными дурочками; но, мнѣ кажется, это было достойно не смѣха, а немного болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу и борьбы съ этой нелѣпой системой воспитанія. А наше начальство еще восхищалось результатами своихъ трудовъ.

— Онѣ у насъ невинны, какъ ангелы, ихъ наивность такъ трогательна!—говорила наша maman, закатывая глаза и не думая о томъ, какъ горько иногда приходилось платиться въ жизни за эти ангельскія качества.

Дружба въ институтѣ, очень пылкая и иногда принимавшая уродливыя формы, скоро забывалась послѣ разлуки. Конечно, мы всѣ клялись писать другъ къ другу, но рѣдко когда переписка, безъ личныхъ свиданій, не замирала черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ. Прекратилась она у меня и съ Анной, когда послѣ смерти бабушки,—родителей она потеряла еще раньше,—она переѣхала изъ деревни въ Петербургъ. Я ничего о ней послѣ этого не слыхала много лѣтъ, пока не встрѣтилась случайно, уже бывши замужней женщиной, съ одной изъ одноклассницъ, перебирая съ которой старыхъ подругъ, о большинствѣ которыхъ мы ничего не знали, мы коснулись въ разговорѣ и княжны Анны.

— У нея какой-то романъ былъ въ Петербургѣ, кажется, она чуть не на корону надѣялась... Ну, и, конечно, осталась при однѣхъ надеждахъ! Вотъ-то, я думаю, какъ это на нее подѣйствовало, съ ея гордостью? Говорили, что она чуть ли не навсегда за границу уѣхала...

— Не знаю, она мнѣ перестала писать уже давно.

Тѣмъ нашъ разговоръ и закончился.

III.

Прошло еще два года. Мнѣ пришлось пріѣхать по дѣламъ въ Москву лѣтомъ. Цѣлые дни бѣгала я по жарѣ въ разныя присутственныя мѣста, а затѣмъ, если этого не было, изнывала отъ тоски и одиночества. Вся родня изъ тѣхъ, кого хотѣла бы видѣть, покинула пыльную столицу, кто для деревни, кто для заграницы, а обычая выѣзжать въ пригородныя дачи еще не существовало, далеко же куда-нибудь въ подмосковную ѣхать было мнѣ некогда. Отъ скуки въ свободное время я шлялась по магазинамъ, сравнивая столичныя моды съ нашими провинціальными.

Въ одинъ изъ такихъ незанятыхъ дней я вошла въ славившійся тогда модный магазинъ, у дверей котораго обратила вниманіе на прекрасный экипажъ съ очень красивой запряжкой. Въ магазинѣ народу было немного: я да еще двѣ дамы. Одна изъ нихъ, стоявшая довольно далеко, такъ что я по близорукости не могла разглядѣть

ея лица, при звукѣ моего голоса обернулась и начала пристально ко мнѣ присматриваться. Я обратила на это вниманіе и по провинціальной привычкѣ быстро себя оглядѣла, думая, не вызвано ли это вниманіе какой-нибудь неисправностью въ туалетѣ.

Но вдругъ особа, приглядѣвшаяся ко мнѣ, бросила свои покупки и съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась ко мнѣ.

— Китти? Да ты ли это?

— Да!—проговорила я нерѣшительно, стараясь припомнить, чье это было знакомое лицо.—Анна? княжна?

— Ну, да моя милая, конечно, Анна, и все еще княжна!—въ послѣднихъ словахъ мнѣ послышался оттѣнокъ горечи.—Ну, а ты замужемъ? Какъ въ Москву попала?

— Замужемъ... въ Москвѣ по дѣламъ... А ты живешь здѣсь?

— Я пока московская жительница, не знаю, на долго ли. Да послушай, ты свободна? Поѣдемъ ко мнѣ обѣдать? Я не могу здѣсь долго быть, меня ждетъ экипажъ... а лошади строгія, бѣда, если застоятся. Право, душка, поѣдемъ? Поболтаемъ всласть... Вспомнимъ старину... поѣдемъ?

Я, конечно, согласилась. Княжна кинула приказчику небрежнымъ тономъ, чтобы ей послали покупки на домъ, и быстро двинулась къ дверямъ.

Стоявшій возлѣ нихъ ливрейный лакей ловко отворилъ ихъ и такъ же быстро откинулъ подножку коляски, помогая мнѣ садиться. Анна на минуту замедлила, ласково обратившись къ кучеру:

— Ну, что, Петя, я скоро управилась?

Кучеръ оборотился вполоборота и довольно безцеремонно пробурчалъ что-то въ отвѣтъ, осматривая меня съ ногъ до головы.

При этомъ я обратила вниманіе невольно на его замѣчательную красоту.

Когда Анна усѣлась въ экипажъ рядомъ со мной, все мое вниманіе, конечно, сосредоточилось на ней. Она, по-моему, мало постарѣла и стала еще красивѣе. Но перемѣна была. Манеры, что ли, стали другія, но она совсѣмъ не походила на чопорную институтку прежнихъ лѣтъ. Въ ней появился какой-то оттѣнокъ размашества, я бы даже сказала—ухарства.

Еще показались мнѣ странными ея постоянныя заговариванія съ кучеромъ, что мнѣ очень не понравилось, потому что я была большая трусиха, а кучеръ, отвѣчая барышнѣ, совсѣмъ поворачивался спиной къ лошадямъ, оставляя ихъ безъ вниманія.

— А онъ насъ не опрокинетъ?—спросила я по-французски.

— Кто? Петя?—разсмѣялась Анна въ отвѣтъ.—Вотъ глупости, онъ правитъ, какъ богъ, да и Мишка нарочно посаженъ рядомъ.

Я тутъ только замѣтила, что ливрейный лакей, вмѣсто того, чтобы стоять на запяткахъ, сидѣлъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ.

— Слышишь, Петя, барыня боится, что ты насъ опрокинешь?—съ какой-то заигрывающей ноткой обратилась Анна къ кучеру.

Кучеръ недовольно пожалъ плечами и грубо отвѣтилъ:

— Опрокину? Чего еще выдумали? Видно, хорошихъ кучеровъ не видывали!

— Ха! ха! ха!—залилась княжна смѣхомъ и, обратясь ко мнѣ, продолжала по-французски:—онъ такъ наивенъ этотъ мальчикъ и при томъ самолюбивъ до крайности.

Въ это время коляска подъѣхала къ красивому новому дому на одномъ изъ московскихъ бульваровъ.

— Какая прелесть!—невольно воскликнула я.

— Да, недурно! Тутъ стояла старинная уродливая махина, я все сломала и передѣлала по-своему. По воспоминаніямъ о заграницѣ.

— А ты долго тамъ жила?

— Почти три года.

— Вотъ счастливица! Поразскажешь мнѣ. Я вѣдь никогда за границей не бывала.

— Есть чего разсказывать! Тощища!—отвѣчала Анна и предложила мнѣ пройти въ спальную поправить туалетъ до обѣда.

По дорогѣ она мнѣ показывала комнаты; все было богато и со вкусомъ убрано. Спальная княжны поразила меня своимъ изяществомъ, мы въ провинціи, да, пожалуй, и въ столицахъ, не привыкли въ тѣ времена къ тому комфорту и удобствамъ, какія я тамъ встрѣтила. Анна, замѣняя платье широкой дивно вышитой бѣлой блузой, замѣтила небрежно:

— Да, жить за границей умѣютъ, не то, что въ нашей Россіи-матушкѣ. У насъ штофные обои и золоченую мебель заведутъ, а порядочнаго умывальника не спрашивай.

— А эту прелесть,—спросила я, указывая на вышивку:—ты тоже тамъ купила?

— Вотъ еще! Тамъ бы это бѣшеныхъ денегъ стоило, а у меня крѣпостныя дѣвки шьютъ. Не одни глаза надъ этой работой погубили!

Намъ прислуживала молодая дѣвушка съ блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ, на которую Анна нѣсколько разъ прикрикнула рѣзко, и, казалось, была очень требовательной госпожой. Это напомнило мнѣ институтъ и тогдашнія привычки княжны.

— Ну, а теперь убирайся,—сказала она горничной.—Да трубки опять забыла подать?—прибавила она сердито, разваливаясь на диванѣ.

— Ты куришь?—спросила я съ изумленіемъ, такъ какъ, хотя многія изъ нашихъ старомодныхъ помѣщицъ курили, но между молодыми, и тѣмъ болѣе институтками, это было не принято.

— А ты не куришь? И глупо дѣлаешь... это очень пріятно. Ну, разсказывай, какъ ты живешь?

— Что же мнѣ разсказывать? Ничего интереснаго, самая обыденная жизнь: люблю мужа, дѣтей, живемъ тихо, это не то, что ты, гдѣ, гдѣ не побывала, чего, чего не насмотрѣлась?

— А ты что-нибудь слышала?—спросила она пытливо:—ну, хоть о моей питерской жизни? О моемъ позорѣ? посрамленіи?

— О какомъ посрамленіи? Что ты пустяки болтаешь?

— А какъ же это иначе назвать? Мечтала чуть не владѣтельной княгиней была и вдругъ посовѣтовали въ провинцію уѣхать. Чтобы глазъ не мозолила нѣмецкой принцессѣ, которую мнѣ предпочли. Il faut se sacrifier à la patrie! Лицемѣры! Точно дѣло вправду о престолѣ шло! Просто поигралъ, поигралъ, да и за щеку,—разразилась она невеселыхъ смѣхомъ послѣ этой тривіальной пословицы, отъ которой меня порядочно покоробило.

— Ничего я не слыхала... да и гдѣ же мнѣ было о придворныхъ новостяхъ слышать въ нашей глуши?

— Какъ же... могу разсказать, если хочешь? Теперь я поумнѣла, поняла, въ чемъ суть жизни... а тогда вѣдь чуть съ собой не покончила, думала, весь свѣтъ закрылся... Вотъ-то дура, сидѣла бы теперь клушей въ какой-нибудь нѣмецкой трущобѣ, не смѣя пошевелиться, чтобы этикетъ не нарушить! Нашла о чемъ жалѣть! Теперь кто мнѣ указъ? Что хочу, то и дѣлаю. И повѣрь, наслаждаюсь жизнью во-всю, отбросивъ всякіе указы и стѣсненія.

Я молчала. Тонъ Анны казался мнѣ не совсѣмъ искреннимъ. Врядъ ли она такъ безропотно относилась къ своей судьбѣ, въ ея словахъ слышалась бравада.

IV.

— Да-съ,—продолжала она, окруживъ себя облакомъ синяго, душистаго дыма:—да, высоко было забралась твоя подруга, ну, и бухнула съ высоты... Ушиблась. Ты вѣдь знаешь, что по выходѣ изъ института меня взяла къ себѣ въ деревню бабушка? Скучала я у нея непомѣрно и даже обрадовалась, когда послѣ ея смерти попала въ Питеръ, къ тетушкѣ, княгинѣ Мосоловой. Вотъ я тебѣ скажу, и особа, эта моя почтенная тетушка! Была когда-то красавица, трехъ мужей разорила и въ гробъ ввела. Любовникамъ счету не знала, а потомъ, когда и красоты и богатства не стало, за интриги другого сорта принялась. Подъ покровомъ жестокаго ханжества и строгаго этикета чуть не сводней сдѣлалась. Да чего тутъ чуть, по-настоящему, за деньги устраивала всякіе амуры и авантюры. Но такъ какъ эти услуги оказывались такимъ лицамъ, о которыхъ не смѣютъ слова громко сказать, все это было шито и крыто. Помню, какъ меня къ ней привезли, я думала, что мнѣ въ такомъ монастырѣ и не ужиться, ну, а потомъ, въ этихъ самыхъ хоромахъ, гдѣ и говорили-то полушопотомъ отъ почтенія,

гдѣ самые высокіе іерархи возсѣдали, восхваляя хозяйку за благочестіе и строгое житіе, такія мнѣ пришлось сценки видѣть, что куда тамъ Боккачіо! Мальчишка... Мое появленіе было ей какъ нельзя больше кстати. Богатая, хорошенькая сирота, подумай, какія широкія перспективы открывались передъ глазами бездушной старухи? А я-то, дура, принимала все это за чистую монету! Приписывала любви тетушки ея заботы и о моей красотѣ, и о манерахъ. Старуха рѣшила, что я очень крупный козырь въ ея игрѣ, и строила на этомъ планы собственнаго благополучія, значить, продешевить меня ей была не рука. И вотъ начались всякія интриги, какъ бы меня больше въ свѣтѣ выдвинуть, завоевать получше мѣстечко въ этой гонкѣ за призами... Теперь даже тошно вспомнить, какія униженія приходилось переносить, чтобы добыть билетъ на недоступный простымъ смертнымъ балъ. Какія шпильки выслушивать отъ завистливыхъ барынь, какіе пошлые комплименты и слюнявые поцѣлуи переносить отъ вліятельныхъ старичковъ, «по-отечески» ласкавшихъ «эту очаровательную крошку». Фу! даже теперь тошно!

Анна порывисто вскочила съ мѣста, подошла въ нерѣшительности къ зеркалу, потомъ круто повернула къ стѣнному шкапику и, отперевъ его маленькимъ ключикомъ, вынула граненный графинчикъ и маленькую рюмку.

— Хочешь?—спросила она съ какимъ-то вызовомъ.

— Что это? Нѣтъ, не хочу,—отвѣчала я почти машинально.

— А это утѣшеніе въ скорбяхъ, какъ говоритъ нашъ попъ. И здорово-таки онъ утѣшается, только подноси... Въ Троицу онъ у меня изъ усадьбы на четвереренькахъ уползъ... А ты чего испугалась? Рюмочка коньяку это превосходно для желудка, какъ увѣряла меня одна старая француженка.

Я неодобрительно покачала головой, чѣмъ вызвала смѣхъ моей подруги, продолжавшей свой разсказъ, усѣвшись по-турецки на подушкахъ, разбросанныхъ у дивана.

— И надо тебѣ сказать, что сначала казалось, что расчеты тетушки оправдаются. Мнѣ сразу повезло. На своемъ первомъ большомъ балу мнѣ удалось очаровать самую избранную молодежь изъ самыхъ что ни на есть высшихъ сферъ. Меня нашли оригинальной, остроумной, очаровательной и Богъ вѣсть что. А, право, я была только искренна и не скрывала своего восторга отъ всего, что меня окружало... Тамъ-то и встрѣтилась съ нимъ, нѣмецкимъ голубоглазымъ красавцемъ, пріѣхавшимъ погостить къ своей тетушкѣ. Онъ сразу произвелъ на меня наилучшее впечатлѣніе. Это оказалось обоюднымъ. Княгиня не преминула начать свои интриги... Ты знаешь, я не изъ сентиментальныхъ, и уже въ институтѣ меня нельзя было упрекнуть въ излишней довѣрчивости, а тутъ я не знаю, что со мной сдѣлалось, голова, что ли, затума-

нилась отъ непривычнаго чувства, только я, какъ дѣвочка, впрочемъ, вѣдь я была еще дѣвочка, ввѣрилась своимъ мечтамъ, сладкимъ словамъ Гаральда и нашептываніямъ честолюбивой старухи. Тетка повела дѣло умѣло... только одного въ расчетъ не приняла—моихъ восемнадцати лѣтъ и того, что принцъ, за своими наивными голубыми глазами и рыцарскими манерами, таилъ въ себѣ опытнаго Донъ-Жуана и, конечно, добился всего, чего желалъ. Ты меня не презираешь?

Я молча протянула ей руку, и мы обмѣнялись горячимъ поцѣлуемъ.

Но это была единственная минута слабости со стороны Анны. Дальше въ ея рѣчахъ была только злоба и насмѣшка.

— Конечно, достигнувъ своей цѣли, мой герой скорешенько охладѣлъ. Тетушка дознались правды, особенно когда спѣшно выписали изъ Германіи ту длинноносую, которую давно прочили ему въ жены, и обрушилась на меня со всѣмъ бѣшенствомъ интриганки, обманутой въ своихъ расчетахъ... Чего, чего я не наслушалась? И дура-то я... и развратная дѣвчонка... и то и другое... Затѣмъ, убѣдившись, что скандалъ слишкомъ громокъ, что на эту исторію немилостиво взглянули наверху, она, конечно, разыграла обманутую жертву и весь грѣхъ свалила на меня. Недостойную, обманувшую довѣріе надо было сейчасъ удалить, чтобы доказать, что между нами не было ничего общаго... хотѣли меня даже въ монастырь запереть, да не на ту напали... Я объявила тетушкѣ, что выдамъ ее съ головой, что надѣлаю такого скандала, что всѣмъ будетъ ясна ея роль въ этой исторіи, такъ что пришлось отъ монастыря отказаться. Вмѣсто этого нашли какую-то баронессу изъ захудалыхъ и отправили меня за границу съ этой особой. Вотъ ты говорила о заграничныхъ впечатлѣніяхъ? До нихъ ли мнѣ было, душа моя? Сперва я долго болѣла, и обманутое чувство давало себя знать, вѣдь я не какъ тетушка, не своей только выгодой увлеклась, а искренно полюбила, насколько это въ моей натурѣ, а затѣмъ злость во мнѣ кипѣла, хотѣлось всѣмъ отмстить, насолить какъ-нибудь... Лицемѣры подлые! Ну, и покурила я вволю... Кажется, не было такой эксцентричности, такого безумія, какого бы на мой счетъ не писали досужіе фельетонисты... а затѣмъ дошли до меня слухи, что меня хотятъ подъ опеку взять за посрамленіе древняго имени и за расточительность. Да не тутъ-то было... удрала я потихоньку въ деревню, заперлась тамъ года на два... поправила дѣла, отдохнула... и вотъ она—я, опять на Божій свѣтъ выплыла...

Она было на минуту призадумалась, затѣмъ тряхнула головой и, дернувъ сонетку, проговорила:

— Однако что же это намъ обѣдать не даютъ? Я тебя, я думаю, заморила? Что же обѣдать? Скоро?—спросила она прибѣжавшую на звонокъ дѣвушку.

— Подаютъ-съ, пожалуйте-съ.

V.

Мы пошли въ столовую. Проходя по широкому коридору, я замѣтила невдалекѣ отъ спальной Анны еще дверь и спросила почти машинально:

— А это какая комната? Ты мнѣ, кажется, ее не показывала.

— Ахъ, это? Это Петькина конурка, хочешь взглянуть?

Она распахнула дверь. Комната на конурку не была похожа, она была и большая и свѣтлая, только въ ней царилъ ужасный безпорядокъ и пахло крѣпкимъ табакомъ, водкой и конюшней.

— Ахъ! шалунъ!—воскликнула Анна и бросилась къ кровати съ грудой подушекъ. Она повернула къ стѣнѣ лицомъ висѣвшій на стѣнѣ большой портретъ.—Сколько разъ я ему говорила, чтобы не смѣлъ мой портретъ здѣсь вѣшать...—проговорила она со смѣхомъ.

— Кому ему?—спросила я съ удивленіемъ.—Чья же это комната?

— Какъ чья? Я вѣдь тебѣ говорила, что Пети... вотъ который лошадьми правилъ.

Я съ изумленіемъ на нее взглянула, но она, казалось, этого не замѣтила, или не хотѣла замѣтить.

Обѣдъ былъ обильный и тяжелый. Меня очень удивляла та жадность, съ которой Анна ѣла, а особенно пила. Такимъ аппетитомъ она не отличалась даже въ самые голодные дни въ институтѣ, когда мы воровали съ голоду другъ у друга черный хлѣбъ.

Я замѣтила, что раза два она отдавала какія-то приказанія дворецкому, и онъ поспѣшно удалялся съ бутылкой или лакомымъ блюдомъ за дверь. Послѣ обѣда моя бывшая подруга провела меня въ угловую, небольшую комнату, всю уставленную турецкими диванами и завѣшанную коврами.

— Ну, садись, а то еще лучше послѣдуй моему примѣру и прилягъ,—сказала хозяйка:—рекомендую наливки, у меня ихъ такъ дѣлаютъ, что лучше всякаго заграничнаго ликера. Вотъ попробуй!

И она показала мнѣ на подносъ, заставленный наливками. Я отказалась, за что получила кличку «недотроги», и съ удивленіемъ смотрѣла, какъ уничтожаетъ душистые и вкусные напитки Анна.

Она раскраснѣлась, распустила поясъ у капота, выдернула изъ косы гребенку и показалась мнѣ какой-то вакханкой, производя своимъ видомъ довольно непріятное впечатлѣніе. Въ нашей трезвой и чинной семьѣ не допускалось такой распущенности, и она мнѣ претила.

— Послушай, Китти, ты вѣдь въ институтѣ музыкантшей слыла? Бросила музыку или нѣтъ?

— Нѣтъ, играю. У меня и мужъ музыкантъ.

— Ну, такъ, если хочешь, я доставлю тебѣ случай послушать хорошее пѣніе и игру на гитарѣ?

— Хочу, только ужъ поздно, мнѣ и домой пора. Кто же это такой музыкантъ?

— Да все онъ же, Петька.

— Кучеръ?

— Ну, да, кучеръ,—послѣдовалъ вызывающій отвѣтъ.

Мнѣ стало не по себѣ. Мысль, что сюда появится молодой парень и увидитъ Анну въ такомъ видѣ, была мнѣ инстинктивно противна.

— Нѣтъ, ужъ лучше въ другой разъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо ѣхать домой!

— Понимаемъ... дворянская кровь возмутилась, какая же, молъ, намъ, барынямъ, компанія кучеръ?—злобно засмѣялась княжна.—Все это, мать моя, лицемѣріе! И какъ мнѣ это претитъ! Не хочу я жить по-вашему и дѣлаю, что хочу... слышишь, что хочу!

— Да и дѣлай, кто же тебѣ мѣшаетъ? А насчетъ лицемѣрія оставь, никогда лицемѣркой не была, и всѣ люди мнѣ равны... Только ни по воспитанію, ни по развитію, не думаю, чтобы твой кучеръ могъ къ намъ подходить?.. да и видъ у тебя теперь не такой, чтобы чужимъ показываться, поди, лучше засни...

Я говорила, пожалуй, слишкомъ рѣзко, но она меня задѣла упрекомъ. Въ семьѣ моего мужа давно уже царили передовыя идеи, и меня задѣло предположеніе, что я говорила изъ барской спеси.

— Хорошо ужъ, хорошо! Ахъ вы, добродѣтельныя матроны! Такъ всю жизнь и прокисните въ своей добродѣтели!

Анна предложила мнѣ экипажъ, но я отказалась и просила послать за каретой. На прощаніе мнѣ стало ее ужасно жаль, и я крѣпко ее поцѣловала. Это вызвало съ ея стороны насмѣшливое восклицаніе:

— Положила гнѣвъ на милость? Жаль стало? А ты не жалѣй, я бы своей жизнью на твою ни за какіе милліоны не помѣнялось... Я, матушка, свободный казакъ, и мнѣ самъ чортъ не братъ!

На этомъ мы и разстались, и я въ Москвѣ ея больше не видала

VI.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Мужа перевели въ большой университетскій городъ, гдѣ онъ получилъ довольно высокое назначеніе. Время было интересное, все больше и больше говорили объ эмансипаціи, какъ тогда называли освобожденіе крестьянъ. Меньшинство, къ которому принадлежала и наша семья, радовалось этому, а большинство старалось этому не вѣрить.

Мужу по должности часто приходилось имѣть дѣло съ уголовными преступленіями, и онъ не разъ говорилъ, что, несмотря на указы

и распоряженія правительства, старавшагося ограничить злоупотребленія помѣщичьей властью, очень участились эксцессы въ этихъ дѣлахъ.

— Точно мухи къ осени, когда чуютъ скорую гибель, злѣе стали и безжалостнѣе наши баре!—говорилъ мужъ, и дѣйствительность подтверждала его слова.

Однажды онъ пришелъ со службы взволнованный и сразу задалъ мнѣ вопросъ:

— А какъ величали твою институтскую подругу, княжну Анну, о которой ты разсказывала?

— Анна Денисовна. А что?

— Ты о ней ничего давно не слыхала?

— Нѣтъ, рѣшительно ничего со времени нашей встрѣчи въ Москвѣ. А почему ты меня о ней спрашиваешь?

— Дѣло о ней къ намъ поступило...

— Дѣло? Къ вамъ? Значитъ, уголовщина какая-нибудь? Бѣдняжка, вотъ ей не везетъ!

— Нечего сказать, бѣдняжка! Грязное дѣло и жестокое, я все надѣялся, что это не она... непріятно даже подумать, что ты съ этой особой вмѣстѣ воспитывалась и дружила.

— Да что ты говоришь? Что же она сдѣлала?

— Обварила кипяткомъ свою крѣпостную семнадцатилѣтнюю дѣвушку.

— Какъ обварила? До смерти?

— Конечно, до смерти, да еще ее, умирающую, чуть не пыткамъ подвергала, прямо чудище какое-то, а не женщина!

— Господи! Да разскажи же поподробнѣе?

— Потомъ... да я лучше дѣло тебѣ дамъ прочитать, мнѣ его сегодня вечеромъ принесутъ. Хочу самъ имъ заняться, а то знаешь нашу полицію, у нихъ деньгами отъ всего можно откупиться. Умѣли княжну три года искать, когда она преспокойно въ своей усадьбѣ проживала, даже вовсе не скрываясь... Скажи-ка, ты мнѣ тогда о какомъ-то кучерѣ говорила. Не Петромъ его звать?

— Да! Да! Она называла его Петей.

— Онъ тоже одинъ изъ героевъ этой драмы.

— Значитъ, мои догадки были справедливы?

— Ты, кажется, заподозрѣла ихъ отношенія? Кажется, и дѣло-то произошло на почвѣ ревности.

Съ душевнымъ трепетомъ принялась я за чтеніе этихъ толстыхъ листовъ бумаги съ крючковатымъ почеркомъ и разными помѣтками.

Суть дѣла заключалась въ томъ, что четыре года тому назадъ поступилъ къ прокурору города N—ска доносъ отъ крѣпостныхъ княжны Анны Денисовны Кролль объ умерщвленіи ею своей горничной, крѣпостной дѣвицы Лукерьи Семеновой, кото-

рую она облила кипяткомъ изъ кастрюли, кипѣвшей на плитѣ. Когда обожженная дѣвушка съ страшными криками упала на полъ, княжна топтала ее ногами, а затѣмъ отправила въ холодный подвалъ, куда и раньше заключала прогнѣвившихъ ее людей, и туда же велѣла привязать на веревку, чтобы онъ не могъ двигаться и оказать помощи пострадавшей, кучера Петра, коего къ дѣвкѣ Лукерьѣ приревновала. Пятеро сутокъ заключеннымъ не давали ни хлѣба, ни воды, пока Лукерья не умерла. Петра продержали у ея трупа еще двѣ ночи, а затѣмъ, оскопивъ (что сдѣлалъ по барышнину приказанію и подъ угрозой сдачи въ солдаты, если ослушается, кузнецъ Кузьма), отправили въ дальнюю вотчину, гдѣ онъ и покончилъ съ собой насильственной смертью.

Дознаніе, порученное мѣстной полиціи, не подтвердило доноса. Становой приставъ объяснилъ все злобой дворовыхъ противъ своей госпожи и донесъ, что дѣвка Лукерья сама себя облила кипяткомъ, бывши въ нетрезвомъ видѣ; что княжна не только ее не била, а еще оказывала помощь, а затѣмъ помѣстила ее въ отдѣльное помѣщеніе для ея же пользы, а потомъ уѣхала въ другую усадьбу и вернулась только послѣ похоронъ Лукерьи. Что же касается кучера Петра, бывшаго въ незаконной связи съ Лукерьей, то онъ самовольно пробрался къ Лукерьѣ, и если не пилъ и не ѣлъ, то по собственному желанію, а смерть ему приключилась отъ увѣчья, которое онъ самъ себѣ нанесъ, боясь сдачи въ солдаты.

Дѣло прекратили и больше года о немъ ничего не было слышно.

Возникло оно снова по такому случаю. Въ губернскій городъ N—скъ по случаю набора былъ присланъ молодой флигель-адъютантъ. Къ нему какъ-то пробралась мать Петра, рѣшившаяся или погибнуть, или отомстить убійцѣ своего сына. Она упала на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, обнимая его ноги, молила его выслушать. Молодой человѣкъ ужаснулся передъ этимъ отчаяніемъ, выслушалъ старуху и рьяно принялся за это дѣло; онъ приналегъ на губернатора и прокурора. На этотъ разъ полиціи не довѣряли, и новыя показанія всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ совершенно иначе освѣтили дѣло. Но и тутъ съ помощью денегъ Аннѣ удалось его затянуть. Вотъ тогда-то и пришлось моему мужу познакомиться со слѣдствіемъ и черезъ нѣсколько времени арестовать княжну и заключить въ тюремный замокъ. Конечно, онъ не дѣлалъ пустыхъ придирокъ и закрывалъ глаза на то, что Анна пользовалась въ тюрьмѣ разными льготами и уставила камеру своей мебелью и столъ получала изъ дома. Только свиданій ей не разрѣшали и всячески слѣдили, чтобы она не устроила побѣга.

Послѣ перваго же допроса княжны мужъ сказалъ мнѣ, что она произвела на него сильное впечатлѣніе.

— Умна, какъ бѣсъ,—разсказывалъ онъ,—и создала себѣ ка-

кое-то особое міросозерцаніе. По ея мнѣнію, дозволено все, что можетъ доставить удовольствіе. О другихъ она и думать не хочетъ, пусть сами себя защищаютъ, какъ умѣютъ. Я тогда ей замѣтилъ, что мудрено крѣпостному, молъ, защититься отъ произвола властителя его судебъ, а она мнѣ очень серьезно отвѣтила, что и въ мысляхъ не имѣла крѣпостныхъ, у которыхъ она и ума и сердца находитъ меньше, чѣмъ у своей любимой собачки. И знаешь, чувствуется, что она вполнѣ искренна и увѣрена въ правотѣ своихъ взглядовъ.

Я просила его, не можетъ ли онъ дать мнѣ разрѣшеніе навѣстить Анну въ тюрьмѣ, но получила категорическій отказъ. Мужъ объявилъ, что это незаконно и нарушать законъ, да еще въ пользу своей жены, ему ужъ вовсе не пристало, а, главное, ему непріятно даже и наша прежняя близость, и онъ вовсе не желаетъ возобновленія этого знакомства между нами.

— Чистой женщинѣ и говорить-то съ ней не о чемъ. Вѣдь это настоящій циникъ.

VII.

Теперь, когда княжна сидѣла въ тюрьмѣ и никто не боялся показывать правду, слѣдствіе открыло такія картины распущенности и произвола, что мужъ не считалъ возможнымъ мнѣ многое и разсказывать. Его поражало, какимъ образомъ молодая сравнительно, женщина могла развить въ себѣ такую жестокость? Дѣйствительно, только предполагая, что она искренно вѣрила, что крѣпостные какой-то низшій родъ человѣчества, можно было объяснить ея поведеніе. Мужа занимало, откуда могъ у нея сложиться такой взглядъ на людей.

— Какихъ лѣтъ она поступила въ институтъ?—спрашивалъ онъ меня.

— Восьми или девяти.

— И пробыла тамъ?

— Лѣтъ до восемнадцати.

— Удивляюсь! Неужели она изъ дома вынесла такіе взгляды?

— Не знаю... смутно помню, что ея отецъ былъ военный, а мать больная женщина, вѣчно лечившаяся.

— Неужели институтъ не могъ повліять на нее благотворно, разъ она всецѣло находилась подъ вліяніемъ этой среды, не имѣя общенія съ семьей? Какъ она вела себя въ отношеніи слугъ въ институтѣ?

— Особеннаго ничего не дѣлала, но, я помню, мы всегда возмущались, съ какимъ пренебреженіемъ она относилась къ низшимъ.

— Возмущались вы, дѣвчонки, а начальство какъ на это смотрѣло?

— Да никакъ. Такіе вопросы не затрагивались. Только бы

съ виду все обстояло прилично и благопристойно. Якшаться съ прислугой даже строго воспрещалось, но не позволялось также и грубо обходиться съ ней. «Это роняетъ достоинство благородной дѣвушки», внушалось намъ классными дамами.

Мужъ пожалъ плечами.

На Аннино несчастіе, ея дѣло разбиралось въ такое время, когда наступили новыя вѣянія. То, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ повлекло бы, пожалуй, только «оставленіе въ подозрѣніи», теперь окончилось суровымъ приговоромъ и каторжными работами.

Когда партію отправляли, я выпросила у мужа разрѣшеніе проводить княжну. Онъ согласился, и къ отправкѣ партіи я подъѣхала къ тюрьмѣ. Въ толпѣ арестантовъ, одѣтыхъ въ традиціонные арестантскіе халаты, я съ трудомъ отыскала свою старую подругу. Хотя Анна еще оставалась красивой, я все-таки съ трудомъ ее узнала. Что-то жесткое и злобное было въ этомъ блѣдномъ, худомъ лицѣ, и взглянула она на меня далеко не милостиво.

— Вотъ какъ? Смилостивился супругъ? Разрѣшилъ проститься со старой подругой? Теперь не боится больше нареканій?

— Развѣ ты знала?..

— Конечно, знала! Не хотѣла только спрашивать у своего строгаго обвинителя, почему его добродѣтельная супруга не привезетъ хоть калачика арестанткѣ? Ужъ что было его конфузить... А онъ у тебя умница, говоря безъ шутокъ...

Я положительно не знала, о чемъ намъ говорить, а Анна насмѣшливо поглядывала, точно наслаждаясь моимъ смущеніемъ. Выручилъ меня конвойный офицеръ, узнавшій меня, вѣроятно, по экипажу и подошедшій раскланяться. Я конфузясь подала ему приготовленныя для Анны деньги, прося ихъ выдавать ей, когда ей будетъ нужно.

— Спасибо! Только это лишнее... эти аспиды все себѣ заберутъ...—и она ткнула пальцемъ на офицера.

Тотъ сконфузился, хотѣлъ было прикрикнуть, но смутился и спасъ положеніе, прокомандовавъ:

— Эй, вы тамъ! Пошевеливайтесь! Вести арестантовъ на мѣста!

Мы обмѣнялись съ Анной кивкомъ головы, и она съ напускной храбростью крикнула:

— Не совсѣмъ похоже на отъѣздъ владѣтельной особы? Посмотрѣлъ бы на меня мой нѣмецкій принцъ!

Больше я объ Аннѣ не имѣла никакихъ свѣдѣній. Да и откуда бы я ихъ могла имѣть? Она навѣки отъ меня скрылась въ темныхъ глубинахъ «мертваго дома».

Е. Ильина-Пожарская.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~